

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ТОМ I
Книга 2

Начало – середина XIX века

*Составление, примечания
и литературно-исторические справки С. С. Шаулова*

Москва
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Р76

Редакционный совет проекта «Президентская историческая библиотека»
серии «Российская историческая проза»:

- Нарышкин С.Е.* — председатель Российского исторического общества,
председатель Редакционного совета
- Афанасьев М.Д.* — член совета Российского исторического общества,
директор Государственной публичной исторической библиотеки России
- Бак Д.П.* — член совета Российского исторического общества,
директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля
- Варламов А.Н.* — ректор Литературного института им. А.М. Горького
- Могилевский К.И.* — член Президиума Российского исторического общества, член Правления
Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»
- Новиков О.Е.* — президент издательской группы «Эксмо-АСТ»,
заместитель председателя Редакционного совета
- Петров Ю.А.* — член Президиума Российского исторического общества,
директор Института российской истории РАН
- Полонский В.В.* — директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
- Хорошилов П.В.* — член Правления Российского исторического общества,
ответственный секретарь Редакционного совета
- Чубарьян А.О.* — сопредседатель Российского исторического общества, академик РАН,
научный руководитель Института всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия проекта «Президентская историческая библиотека»
серии «Российская историческая проза»:

- Абрамова М.Н.* — член правления Российского книжного союза, директор ФГБУ
«Роскультцентр»
- Алексеева Е.А.* — начальник отдела классической литературы и поэзии издательства «Эксмо»
- Быстрова О.В.* — старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН
- Гребенева Е.Н.* — член правления Российского книжного союза,
председатель Комитета по региональному развитию
- Илларинова Э.О.* — ответственный секретарь Редакционной коллегии,
координатор проекта «Президентская историческая библиотека»
- Кожанова Е.С.* — директор департамента стратегических коммуникаций
издательской группы «Эксмо-АСТ»
- Московская Д.С.* — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, главный научный сотрудник,
заведующая отделом рукописей
- Пенская Е.Н.* — ординарный профессор ВШЭ, руководитель Школы филологии факультета
гуманитарных наук (Москва)
- Прохорова О.К.* — руководитель партнерских программ департамента
стратегических коммуникаций издательской группы «Эксмо-АСТ»
- Фокин П.Е.* — заведующий отделом ГМИРЛИ им. В.И. Даля «Музей-квартира Ф.М. Достоевского»
- Шапошников М.Б.* — заведующий отделом ГМИРЛИ им. В.И. Даля «Музей Серебряного века»
- Шаулов С.С.* — заведующий отделом ГМИРЛИ им. В.И. Даля «Дом-музей М.Ю. Лермонтова»
- Шипетина А.Г.* — председатель Редакционной коллегии, директор редакции
художественной литературы издательства «Эксмо»

Р76 **Российская** историческая проза. Том I. Книга 2. — Москва :
Эксмо, 2021. — 416 с. — (Президентская историческая библио-
тека).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

СИМЕОН КИРДЯПА. РУССКАЯ БЫЛЬ XIV ВЕКА

*Повесть о Симеоне Суздальском Князе*¹

Благочестивые жители Нижнего Новгорода шли к вечерне в соборный Архангельский храм. Сквозь окна храма мелькали тусклые огни восковых свеч, зажжённых перед образами. Церковь была полна народа; на крыльце и в ограде церкви толпился народ, но многие бежали ещё опроретью ко храму, и все, казалось, чего-то ждали. Нетерпеливое внимание заметно было в толпе. Подле затворённых лавок на площади собрались нижегородские купцы. Сложив руки и устремив любопытные взоры на княжеский дворец, они говорили между собою. Вокруг дворца в тесноте негде было яблоку упасть. Богато убранные кони под бархатными попонами, подведённые к крыльцу, видны были с площади сквозь тесовые растворённые ворота.

За толпою купцов, у навеса лавок сидел на складном стуле седой старик, угрюмо опершись на палку. Руки его, сложенные на верхушке палки, обделанной в виде костыля, закрыты были длинною бородою его. Красный кушак по синему кафтану показывал достаток его. Он смотрел то на дворец, то на народ, покачивал головою, поднимал её и опять опускал на руки. Другой старик, сухой и тщедушный, отличавшийся от

¹ Симеон (Семён) Дмитриевич (? —1402) — второй сын великого князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича, князь Суздальский, родоначальник младшей ветви князей Шуйских. Боролся с московскими князьями за Суздаль и Нижний Новгород. Участвовал в походе хана Тохтамыша на Москву в 1382 году. В 1393-м был изгнан из Суздаля московским князем Василием Дмитриевичем, получившим в Орде ярлык на великое княжение. В 1399 году вместе с татарскими отрядами разорил Нижний Новгород. В 1401 году Василий I захватил семью князя и принудил Симеона к миру, сослав в итоге в Вятку, где тот и умер.

всех одеждою, подошёл к уединённому зрителю, низко поклонился ему и сказал громко:

«Бог на помочь!»

— Будь здрав, гость московский! — отвечал нижегородец, — по добру ли по здорову?

«Слава те, Господи! Вот получил из Москвы грамотки. Жена, дети здоровы, и товар доплёлся до Москвы..»

Слова *из Москвы*, казалось, оживили старика. Подвинув свою шапку на затылок, он обратил любопытный взор на москвича и невольно повторил слова его:

— Из Москвы?

«Да, но вот что ты будешь делать: невзгода Москве нашей, да и только — опять была немилость Божья, пожарный случай..»

— Что? Опять?

«Да, почитай, весь посад выгорел, а пожар начался с дома окаянного Аврама Армянина..»

— Хм! Часто горит у вас на Москве!

«Да Москва-то не сгорает! — отвечал москвич, коварно улыбаясь, — а вот у вас, в Нижнем, так раз выгорело, да зато ловко..»

— Его воля! — вздыхая, отвечал старик и обратил взоры к небу. Заходящее солнце блеснуло ему в глаза, и он, зажмурясь, опустил голову к земле. — Да попущением Божиим о Петровках уже пятнадцатый год минет, как Нижний Новгород впадал в руки басурманские, а следы всё ещё не заглажены. Нижегородцы прображничали тогда наш городок благословенный, и справедливо повелась в народе пословица: *«За Пьяною люди пьяны!»*

«Москва не вашему городу чета, да и тут после вражьего меча десятый год проходит, а трава растёт там, где прежде высились терема и хоромы. Сколько одной Божьей благодати сгорело и осталось в запустении!»

— Друг ты мой! не говорит ли нам Святое Писание, как тяжек меч вражий? Когда царю Давиду предложили глад,

смерть и нашествие неприятельское, он молил Бога выбрать легчайшее, и Бог не врага, а смерть послал на Израиля. Тяжка смерть, но тяжеле воин вражеский, гибель живая, — не уснёт, аще зла не сотворит!

«Но ведь на нашу Москву и враг-то какой напал! Долго стоять земле русской, а не видать такого злодея, каков Тохтамыш окаянный! Ни в устах милости, ни в сердце жалости. Огнем палит, чего не возьмёт, и ни храма Божия, ни княжеского чертога не остаётся за его следом — идет и метёт!»

— Всё равно, что силён, что бесилен, только умел бы железную баню вытопить да булатом выпарить, а уж татары, злой, ненавистный род, таковы, что, кажется, и во сне-то они мыслят о вреде христианам. Бывал ли ты сам в руках татарских и видал ли ты басурманскую, проклятую гадину в их житье-бытье?

«Оборони меня, Господи! Нет! до сих пор Господь миловал!»

— Истома Захаров любит только издалека греть руки, а нейдёт сам в огонь, — сказал кто-то подле разговаривавших.

Старики оглянулись и увидели, что к ним подошёл богатый купец нижегородский Замятня. Москвич переменился в лице, а седой нижегородец обратился к Замятне.

«Держал бы ты язык свой на привязи, — сказал он. — Точно меч обоюдоострый слова твои: ни брата, ни друга не щадишь — рыкаешь, аки лев на краеградии!»

— Да ведь господин Истома мне ни брат, ни друг, — отвечал Замятня, смеясь. — Кто с ним торгует, тот и помолчать может, а целому миру рта не завяжешь. Иной наживает там, где все проживают, и вольно ему было сказать тебе, что он не бывал у татар — люди другое поговаривают!

Истома покраснел и побледнел.

«Добрая слава под лавкой лежит, а худая слава всегда на почетном месте сидит, — пробормотал он. — Мало ли что говорят и о князьях, и о боярах!..»

— Так будто все и неправду говорят? Глас народа — глас Божий! Будто князь да боярин уже всё и хорошо делают? Как ты думаешь, старинушка, господин Некомат? — сказал Замятня, обращаясь к старику в синем кафтане.

Некомат поднял голову.

«Слушай, Замятня, — сказал он, дрожа от досады, — язык твой не доведёт тебя до добра! К чему ты приплетаешь речь о князьях и боярах? Нынче и стены слышат, а не только что площадь, где народу так же просторно, как немецкой рыбе аселедцам в бочонке».

— Я ведь не порицаю никого, да что поговорю, так и только того! Вот иной и не говорит, да еще каждый раз приговаривает к имени своего князя: *Батюшка наш, милостивый князь*, а как придёт к разделке, так в милостивого князя первым камнем бросает. Бывалое ведь дело — рассказывают...

«Не всякому слуху верь».

— Вот и об Истоме мало ли что говорят! Сказывают, будто он и в люди пошёл с тех пор, как погрелся у татарского огонька в Тохтамышево нашествие.

«Я был на Волоке Ламском, когда вражья сила находила на Москву, а потом скрывался в Троицком монастыре. Когда же грелся я у татарского огня?»

— Ведь ты не на исповеди теперь, — сказал Замятня, смеясь, — и если и попался в табор татарский, так уж, верно, неволею, а не волею. Что же делать с татарами! Сабля вражья и прямую душу кривит. Народ поганый, народ окаянный, времена тяжёлые — поневоле свихнешь либо направо, либо налево!

«Ох! тяжёлые, тяжёлые! — подхватил Некомат, как будто стараясь отдалить от себя неприятный разговор. — Пришествие языка чуждого от стран неведомых явное знамение пришествия кончины мира!»

— Почему же языка неведомого? Кто не знает по-татарски, тому он и неведом, а кто знает, так он и ведом ему!

«Нет, друг ты мой любезный, я говорю о происхождении сынов Агариных. Кто ведает, откуда окаянный рой басурманов налетает на православную Русь?»

— Как откуда? Разве ты не слыхивал?

«Нет, слыхал и читал во «Временнике», — отвечал Некомат, — где именно написано, что пришествие их положено при кончине мира. Мефодий Патарский пишет, что Александр Македонский ходил из Индии богатой к полунощному лукоморью и встретил там народов поганых, не соблюдавших ни поста, ни молитвы. И он загнал их за Синие горы, загородил горами, сотворил медные врата и запаял сунклитом, а его и меч не берёт и огонь не жжёт! Много лет прошло, они стали прорубаться сквозь гору и вышли».

— Ты забыл прибавить, что они никогда не прорубились бы, если бы мы сами не помогли им. Сперва прогрызли они оконце и начали подавать оттуда золото и самоцветные камни, а в замену просили железа. Что же? Христиане стали к ним железо возами привозить и подавать в оконце, так что лет через тысячу сквозь оконце прошли их тысячи и пришли отбирать своё золото тем железом, которое от христиан выменяли.

Некомат увидел, что его поймали на его исторических знаниях. Он замолчал, а Замятня продолжал говорить:

— То-то, дружище, если бы в христианском мире побольше правды было, так и дело шло бы иначе. Все мы хнычем да головою качаем, а что руки наши нечисты да сердца наши омрачены, о том не подумаем. Вот уже двести лет с лишком, как мы кряхтим под татарскою плетью и ждем преставления света, а приготовились ли мы к тому? Грех сказать земле русской, что Господь не дает ей владык добрых, да народ-то живет со грехом пополам, так добрые князья, что семя на камне — процветет и погибнет!

«Правда твоя, — отвечал Истома, отдохнувши после слов Замятни. — Вот и нашу мать Москву выдают со всех сторон — стоит она, как сиротина на могиле отца и матери — нет ни помощи, ни пособия от других княжеств!»

— Хороша ваша сиротина Москва! — сердито вскричал Замятня. — Придёт беда, так она и поёт: *помилуйте, православные*, а отхлынуло, так того за ворот берёт, кто ей помог! Ты, москвич, нашего брата-нижегородца не тронь! В наши сердца глядись, словно в матушку Оку, а в вашей Неглинной и ворон не видит, что он черён. Когда покойный князь Дмитрий Иванович попросил стать за святую Русь — кто отказался? А там, как стал он гнуть других, так нечего жаловаться, что выдали его Тохтамышу!

«Не нуждается Москва в вашей помощи! Только зла-то вы не делали бы да не рыли ямы, и за то бы спасибо! Когда Тохтамыш пришёл к Москве и три дня стоял, сам не зная, что делать, когда была у нас потом потеха и на самострелах, и на мечях, и наш воевода князь Остей не сдавался ни на какое льстивое слово, кто уговорил его, кто *правил* тогда на святом Евангелии, что татары не сделают зла Москве? Ваши княжичи — Василий да Симеон! На них пали кровь Москвы и пепел святых храмов её!»

— Кто тебе сказывал? Там их вовсе не было.

«Нет! были они, и Москву они погубили! Ты ведь знаешь все дела князя Симеона, злодея, изменщика веры, холопа поганого хана, Некомат! Скажи, правду ли я говорю, что он, злодей, всему виною?»

— Почти что правду! — отвечал Некомат задумчиво, как будто нехотя и наклонив голову. Он, казалось, читал дела прошедшего в темной думе своей.

«Старик, старик! — отвечал Замятня с выражением упрёка. — Ты в гроб глядишь, а не щадишь своей совести! Симеон изменил Руси? Симеон продал свою веру и разорил Москву? Не в оковах ли приведён он был туда? Не поклялся ли ему Тохтамыш своим проклятым Махметом, что он не тронет в Москве ни синя-пороха? И когда безбожный хан нарушил свою клятву, когда москвитяне безумно поверили басурману — Симеона обвиняешь ты во всей беде, во всём невзгодье!»

Некомат покачал головою, встал с своего стула и тихо начал говорить, поднявши глаза к небу: «Сердца людские грудью закрыты, и кто же узнает тайные помышления их? Но последствия всегда оправдывают праведного и накажут грешника. Если бы Симеон был муж праведен, то, по глаголу, должно бы ему быть счастливым и благоденственным, и роду его величаться. Писано бо есть, что *память праведного с похвалами, и род его яко древо насаждено при исходищи вод*. Где же Симеон? Погиб! Где род его? В тюрьме! Князь наш Борис Константинович княжит благоденственно над Нижним и смиряет зlobу кротостью. Он праведен, а Симеон злый зле погиб!»

— И отец его был такой же вероломный и пагубный! — прибавил Истома хриплым голосом.

«Пощадите хоть кости-то доброго князя, вы, Некомат и Истома, вы, кому счастливый кажется праведником, а несчастливый грешником! Нет! Я ел хлеб князя Димитрия Константиновича и не попусти злomu слову пасть на память его! Вспомни ты, горделивый москвич, не он ли получил от хана Агиса грамоту на Московское княжество и отказался от Московского престола, довольный Суздальским уделом? Не он ли потерял любимого сына, когда козни Москвы навели на него злого Арапшу? Не его ли дочь, благочестивая Евдокия, была супругою вашего Димитрия и матерью юного князя Московского, которому ты восписываешь такие хвалы и похвалы? Не сам ли Димитрий возвёл Симеона на престол Нижегородский? А теперь, — продолжал Замятня, понизив голос, — теперь, когда князь Борис выкланял себе Нижний, обнадеяв хана большею податью, вы славите его величие, а Симеон у вас злодей и отступник...»

— Да что судить нам о делах княжеских, — отвечал Некомат, — судит им Бог! Мир явно клонится к гибели и злу — брат восстаёт на брата, отец на сына. Горе идущему, горе и ведущему! Немцы, которые селятся теперь в Москве и Нижнем, до добра не доведут. Слышал ли ты, что какой-то немец вывез в Москву бесову потеху — стреляет живым огнём!

«О, да какая ж была страсть Божья! — подхватил Истома. — Как выстрелили в первый раз из той адовой потехи, так души у всех замерли — огонь и гром, дым и смрад пошли из её жерела, словно свету преставленья! Ох! да что уж нынче — и мёртвым костям покоя не стало! Затеял какой-то немец копать у нас на Москве ров кругом города — и гробы разметали, и косточки родительские повыкидывали... Прости, Господи, наше согрешенье!»

Тут шум и крик народа прервали беседу. Все оборотились ко дворцу, увидели, что князь Борис выезжает из ворот дворцовых, окружённый своими сановниками и боярами. Золото блистало на сбруях коней и одежде князя и свиты его. Некомат и Истома втеснились в толпу, спешившую на встречу князя.

«Вот заступники твои, Симеон, — проговорил тихо Замятня, смотря вслед за Некоматом, — вот люди, которых осыпал ты благодеяниями, которым благодетельствовал отец твой! Первый рубль подкупает их, и первая полтина перевешивает всё добро...»

— А Замятня забыл, что на площадях не говорят того, что думают, — сказал кто-то. Замятня оборотился и увидел человека с длинною бородою, в худом нищенском кафтане.

«Эх, товарищ! Плох стал народ!» — отвечал Замятня вполголоса.

— Когда же он был лучше?

«Нет ни совести, ни правды!»

— Правды искать у торгаша Истома! Кто ищет клада на кладбище, приятель?

«А Некомат, человек, которому благодетельствовал князь наш, послушал бы ты, что говорил он о нем и о роде его!»

— Что говорить ему! Язык его, как добрый жернов, вертится, куда повернут его на вороту, а ворот его серебро да золото!

Они пошли к церкви и тихо разговаривали дорогою.

«Наболтали мне они и Бог знает чего, — сказал Замятня, — а одно залегло у меня в сердце.. Послушай: откроешь ли ты мне всю свою душу?»

— Для тебя ничего нет скрытого — спрашивай!

«Правду ль говорил мне Истома, будто Симеон изменил вере отцов своих и отступился от христианского закона? Уверен в нём, но человек в невзгоде так хил, так плох.. С чего бы взять ему, окаянному!»

— Нет! он клеветает — он лжёт! Симеон не изменил ни слову своему, ни вере своей! Храбр, как меч, твёрд, как алмаз-камень.

«Но горяч, как раскалённое железо, а мир, с своей славой и почестями, так светится, как звезда полуночная, стол княжеский так слепит глаза..»

— Нет! говорю тебе! Горяч, но добро дороже ему золота и имя честное лучше стола княжеского — он не изменит кресту и вечному блаженству на временные блага!

«Слава Богу! Ты успокоил меня. Царство тёмное! ты не поработило донныне ни одной души княжеской!»

— Но послушай, Замятня: ты сам не стоишь доброго слова. Дурак в тебе всё высмотрит, как в стеклянной чарке, и болтун собьёт тебя с толку! Будь осторожнее, будь умнее! Эй! береги слова!

«Бог видит душу мою, как я стою за правое дело, да язык мой злодей мой.. А уж Истоме окаянному напишу я на иссохшей его рожке правду..»

— Тише, тише.. отойди от меня.

Князь Борис ехал мимо них. Все сняли шапки. Говор в народе уподоблялся жужжанью пчёл. «Какой он дородный! — говорил народ. — То-то настоящий князь, то-то добрый князь Нижнего!»

— Помнишь ли ты, — шепнул опять нищий Замятне, — помнишь ли, когда Димитрий Иоаннович так же ехал здесь с князем Симеоном? Не тот ли самый народ смотрел на Димитрия, как на орла быстропарного, а на Симеона, как на сокола

золотокрылого, и не мог нарадоваться красоте двух братьев? А теперь что Симеон!

«Что Симеон? Посмотри, как красуется князь Борис на своем вороном коне, а взглядишь-ко лучше, ведь коня-то этого подарил тогда князь Димитрий Симеону!»

— А кожух на боярине Румянце подарен был ему за верную службу его Симеоном!

«Это что за толстяк едет подле князя?» — спросил, смеясь, Замятня.

— Неужели не знаешь? Белевут, боярин московский. Он давно приехал сюда с уверением в дружбе от князя Московского. Вот и другой московский боярин, Александр Поле. Он живет здесь уже месяца три.

«А зачем?»

— Как зачем? Уверяет в дружбе.

«Разве князь Борис сомневается?»

— Бог весть! Видно, что у кого болит, тот о том и говорит. Да что там за толпа такая народа остановила коня княжеского? Смотри — падают на колени! Пойдем ближе.

Замятня и нищий протеснились сквозь народ и стали подле свиты князя. Князь Борис остановил коня. Первый боярин его, Румянец, подскакал к небольшой толпе народа, стоявшей на коленях, и поспешно спросил: «Что им надобно?»

— Мы не к тебе, боярин Румянец, а к князю Борису Константиновичу, — отвечал седой старик.

«Всё равно — говорите мне!» — поспешно вскричал Румянец.

— Между князем и его народом, когда мы стоим пред лицом его, не надобно посредника, как между Богом и человеком нет посредника в молитве!

Румянец покраснел от гнева и грозно закричал им: «Прочь с дороги!»

Князь Борис, безмолвно смотревший на действия Румянца, тихо промолвил ему: «Что тут за люди, боярин?»

— Князь великий! — отвечал Румянец, преклонив голову в знак покорности. — Это бродяги вятчане... Они пришли сюда собирать милостыню и рассказывать сказки.

«Нет, князь Нижегородский, — отвечали несколько голов, — мы не нищие и не милостыни просим, но княжеской милости!»

— Помилуй, государь! — воскликнул старший из вятчан. — Будь нашим спасителем — смилуйся над нами!

«Но зачем же вы здесь встречаете меня? Зачем не пришли в мой дворец?»

— Высоко крыльцо твоего княжеского дворца, и бояре твои стоят настоroje. Боярин Румянец уже третий день гонит нас от твоего двора.

«Боярин! что такое они говорят?» — небрежно спросил князь у Румянца.

— Все последние дни ты был занят важными делами, и то ли время — слушать их жалобы! Они то и дело *рагозятся!*¹

«Всегда время князю пособить своим подданным и везде место спасти! — сказал старший вятчанин. — Государь князь великий! помилуй!»

— Ну, да теперь уж не время и здесь не место суда — после, — сказал князь и хотел ехать. — Допустите их ко мне, — примолвил князь, обращаясь к вельможам, за ним ехавшим.

«Нет, князь, мы не сойдём с места. Спаси и помилуй! Жёны, дети наши гибнут — защити и спаси нас!»

Князь помолчал с минуту. Глубокое молчание было вокруг него.

— Говорите: чего хотите вы от меня? — сказал он, нахмурив брови.

Все вятчане поднялись на ноги. Старший из них подступил ближе и начал говорить:

«Ведомо тебе, государь, что жили мы в Вятке нашей тихо и мирно. Но теперь прошло прежнее время. С тех пор, как

¹ Пустословят.